

О первом томе Русско-армянского словаря

Русско-армянская лексикография, занимающая почетное место в многовековой истории армянской лексикографии, особенно интенсивно стала развиваться в годы Советской власти. За последние тридцать лет было издано до двух десятков русско-армянских и армяно-русских словарей (в том числе и терминологических), сыгравших большую роль в обогащении словарного состава армянского языка и унификации армянской научно-технической терминологии. Помимо этого, русско-армянские и армяно-русские словари сыграли значительную роль и в деле нормализации армянской литературной речи.

Но, вместе с тем, последний большой словарь вышел в свет в 1935 году. За этот период в словарном составе и стилистической системе как русского, так и армянского языков произошли значительные сдвиги. Потребность в издании большого, более совершенного русско-армянского словаря академического типа стала очень велика. В этой связи нужно приветствовать инициативу Института языка Академии наук Армянской ССР, взявшегося за создание четырехтомного Русско-армянского словаря. Издание первого тома этого словаря — большое событие в культурной жизни республики.

Словарь, как указано в его предисловии, поставил перед собой емкую и трудную задачу: по возможности полнее отразить все лексико-фразеологическое богатство современного русского языка, охватывая период его развития от Пушкина и до настоящего времени. Таким образом в четырех томах Словаря будут даны армянские толкования 100 тысячам русских слов.

Рецензируемый том Русско-армянского словаря содержит слова русского языка на А—Й и охватывает до 25 тысяч словарных статей.

Основной базой для словника словаря послужил словник «Толкового словаря русского языка», составленного под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Авторы рассматриваемого словаря обратились также к целому ряду вспомогательных источников: к «Словарю русского языка» С. И. Ожегова, к первым двум томам Академического словаря современного русского литературного языка, к русско-национальным и энциклопедическим словарям и использовали их для пополнения и расширения словника, представленного в Толковом словаре под ред. проф. Д. Н. Ушакова.

То, что составители Русско-армянского словаря в качестве отправного пункта для словника избрали «Толковый словарь» русского языка, следует приветствовать. Дело в том, что структура этого Словаря, как пишет один из его составителей, определялась стремлением «отразить живые процессы в современном языке»¹. Таким образом, «Толковый словарь» под ред. проф. Ушакова содержит ту номенклатуру нормативных слов (в первую очередь), которая была характерна для литературной речи русского языка периода 30-х годов, т. е. годов, когда он создавался. Но, вместе с тем, в силу нормативного характера Словаря, в него не вошли целые лексические массивы, которые настойчиво требуют

¹ С. И. Ожегов, О трех типах толковых словарей современного русского языка, «Вопросы языкознания», № 2, 1952, стр. 90.

толкования в двуязычных словарях. Имея в виду это обстоятельство, составители Русско-армянского словаря пошли по пути расширения круга толкуемых слов. Нам этот путь кажется вполне оправданным.

Авторы Русско-армянского словаря, как это видно из словника, поставили перед собой задачу: дать в руки армянского читателя справочник, помогающий понять по возможности большее число русских слов. Расширение словника Русско-армянского словаря, по сравнению со словником четырехтомного «Толкового словаря», шло, в основном, в двух направлениях. Во-первых, по пути широкого вовлечения суффиксально-префиксальных образований (безотносительно к продуктивности типа) от слова, представленного в Словаре под ред. проф. Ушакова. (Ср., напр., **абажурный, безумолкный, бесталантный** — лишенный дара, таланта, синонимично к зафиксированному в «Толковом словаре» **бесталанный**¹, — **вздорничать, волосач, вскипание, высушка, государственность, дипломник, доводка** и мн. др.). Во-вторых, по пути пополнения словника за счет устаревших слов, которые не употребительны в языке нашего времени, но довольно часто встречаются в книжной речи литературного языка начала — середины 19 века. (Ср., напр., **абшид, аудитор, авиз, авизо, агнат, безданный** и др.). К сожалению, приходится отметить, что слова этого разряда берутся, в основном, из «Словаря современного русского литературного языка». Поэтому, словник пополнен только на буквы **а, б, в**; составление слов от **г** до **е** велось до выхода в свет III тома указанного Словаря и это отразилось на подборе слов в Русско-армянском словаре.

В этой части словарного свода составители Русско-армянского словаря почти полностью повторяют словник «Толкового словаря». Нарушение принципа широкого привлечения толкуемых слов из справочных источников и из новейших словарей, таким образом, нарушается и это, бесспорно, сказывается на ценности Словаря. Наш упрек был бы лишен основания и мог бы быть отвергнут, как беспочвенный в том случае, если бы не существовало Академической картотеки Словарного сектора Института языкознания Академии наук СССР, на материале которой составляется «Словарь современного русского литературного языка».

Стремление охватить максимальное количество производных слов и отразить богатство словообразовательных возможностей русского языка (не только современного нам) ощущается довольно сильно. В этой связи хочется сказать несколько слов о статье Г. Мадояна «Первый том русско-армянского словаря»². Автор рецензии ставит в упрек составителям то, что в Словаре нашло место большое количество «неупотребляемых слов, которые очень редко встречаются в русской классической литературе»³. Во-первых, не ясно, что значит «очень редко»? Например, слова **плохо-плохой** «очень редко» встречаются в русской классической литературе, особенно первой трети прошлого века. Едва ли кто-либо может утверждать, что эти слова не нуждаются в толковании. Во-вторых, что такое «неупотребляемое слово», которое все-таки употребляется, но «очень редко»...

¹ Считаем упущением то обстоятельство, что в словник не попало народно-поэтическое прилагательное **бесталанливый** (не зафиксированное и в Толковом словаре) в значении **несчастный, обездоленный**. Ср. **несчастливенька** я на свет рождена, **Бесталалива**. Соболев. Великорусские нар. песни, т. V, стр. 383. Ах вы девушки, Вы хорошенькие, Вы несчастливые, **Бесталанливые**. Записки географ. общества, т. IV, стр. 335.

² Коммунист, 6 июля, 1955.

³ Там же.

Нам кажется, что обилие производных слов можно объяснить тем, что Словарь ставит перед собой цель — по возможности шире отразить не только современный нам словарный состав русского языка, но и представить его историческую перспективу. Следуя по этому пути, авторы Словаря не только дали толкования целому ряду производных слов, нуждающихся в этом (ср. гражданственность — дипломник), но и, что очень важно, раскрыли богатство синонимии русского языка, возникающей на базе словообразовательных параллельных моделей. Ср., напр., емкий и интересный синонимический ряд **безумолкный** — **безумолчный** (последнего слова почему-то нет в Словаре под ред. проф. Д. Н. Ушакова) и, забегая несколько вперед **немолчный** — **неумолчный**, весьма характерный для книжной и книжно-поэтической речи начала — середины прошлого века¹. Ср. также **безурядица** и **неурядица**, типичные для просторечной лексики. Подобного рода явления бесспорно ярко характеризуют лексическую структуру русского литературного языка от Пушкина и до наших дней, представляют большой интерес с точки зрения отражения богатства его синонимической системы.

Что касается устаревших слов, то нетрудно заметить, что некоторые из них вытеснены синонимами (напр., австерия, авизо), другие вышли из употребления по той причине, что устарели сами реалии (напр. безданный). Г. Мадоян в упомянутой статье пишет: «Нам кажется, что не было необходимости для обеспечения полноты словаря приводить целый ряд слов с посылками» (очевидно, автор хотел сказать «ссылками» или «отсылками»). Далее следуют слова: автодафе, аудитор, автогир, австерия, австральный, гелетерский. Сам список приведенных Г. Мадояном слов со всей очевидностью свидетельствует о необходимости толковать подобного рода устаревшие и вытесненные на периферию словарного состава лексические единицы. Для доказательства приведем несколько отрывков, в которых мы встретились со словами, перечисленными в статье Г. Мадояна. «Да скажи в **австерии**, чтобы не слишком шумели, а то как раз пришло унять». Лажечников, *Ледяной дом*, ч. IV, гл. 7. «Мы останавливались то в бедной **австерии**, уединенно торчавшей при дороге, то в гостинице какого-либо местечка». Анненков. *Воспоминания*, I, 164². «Другие **авдиторы** выслушивали уроки и ставили ученикам баллы, на основании которых учитель производил надлежащие вразумления». Писарев. *Погибающие и погибшие*, V, 274. Нет никакого сомнения, что нерусскому читателю подчеркнутые слова значительно труднее понять, чем другие, функционирующие в приведенных контекстах.

Разумеется, что мы также далеки, как, очевидно, и составители Словаря, от мысли, что словник не имеет погрешностей, что в нем нет лишних слов, что многие слова, наоборот, в нем не отражены.

¹ О, шуми и бушуй, пой и плачь и тоскуй, Своейравный сосед, безумолкное море. Виземский. Босфор. Горцы, раздраженные безумолчным огнем башни..., обложили вокруг хворостом и собираются сжечь... заключившихся там 12 человек. Марлинский. *Письма из Дагестана*. VI, 140. Фонтан любви, фонтан живой! Принес я в дар тебе две розы. Люблю немолчный говор твой и поэтические слезы. Пушкин. Фонтану Бахчисарайского дворца. Приступ длился девять часов сряду при неумолкной пальбе и перестрелке. Пушкин. *История Пугачева*. Полн. собр. соч. в 16 томах, т. IX, стр. 45.

² Кстати сказать, при слове австерия в Русско-армянском словаре, прибегая к терминологии Г. Мадояна, нет никакой «посылки». Кроме того, слово это значит не только «гостиница», как на это указано в статье упомянутого автора, но и «трактир». См. пример из «Воспоминаний» Анненкова. То же см. в Русско-армянском словаре.

На наш взгляд в Словаре слабо отражена фразеология русского языка. Следовало бы шире вовлекать в словник неологизмы и новые сложно-сокращенные слова (агитколлектив, агролесомелиорация, ветврач, ветфельдшер — *անասնաբուժիկ*, Госкредит — *Պետկարկ*, Гострудоберкасса — *Պետաշխատանքային ֆարկ* и т. д.). Словарь недостаточно полно вовлекает в свой словарный свод те русские составные термины, армянские эквиваленты которых образовались и в настоящее время употребляются как одно слово. (Ср. агротехнические правила — *ագրոտեխնիկական կանոններ*, агротехнические мероприятия — *ագրոտեխնիկական միջոցառումներ*, бетонный блок — *բետոնաբլոկ*, ср. также зрительный зал — *հանդիսատեսի սրահ* и т. д.).

Серьезные возражения вызывают стилистические пометы, характеризующие место целого ряда слов в системе стилей современного русского языка.

Прежде всего о стилистических пометах при существительных со значением действия. Известно, что в русском языке выделяется большой лексический пласт отглагольных имен, характеризующихся значением действия по глаголу, от которого они образуются. (Ср. блуждание, издательство — во 2-м значении — баллотирование-баллотировка и мн. др.). Семантическая сущность подобных слов накладывает отпечаток на характер их употребления. Иначе говоря, в тех случаях, когда значение активно протекающего действия (характерное в живой разговорной речи для глагола) передается через имя, то это имя приобретает специфически-книжный отпечаток.

В русском литературном языке имена действия образуются при помощи целого ряда словообразовательных средств. Наиболее продуктивными суффиксами отглагольных существительных являются *-ние* (*-ение, -ание*) и *-ка*. (Ср. также *-тие, -ба, -ство*, нулевое окончание и некот. др.).

Характерно, что слова на *-ка* приобретают значение результата действия «легче», чем слова на *-ние*, и в этом конкретном смысле легко проникают в стилистически нейтральный пласт или терминированную речь русского языка. (Ср. аранжировка — обработка мелодии для инструментального или вокального исполнения, а также сама пьеса, обработанная известным образом; ср. также сцепка, штукатурка и мн. др.). Тот же процесс «полной субстантивации» присущ и словам на *-ние*, но в значительно меньшей мере (ср. варение к чаю и варение чего-нибудь, печение к чаю и печение чего-нибудь; ср. также сцепление, суждение и мн. др.).

Таким образом, типичная модель развития значений отглагольных имен такова: 1-е значение — действие по производящему глаголу и 2-е значение — результат действия. Исходя из этого, легко отметить синонимику отглагольных имен, возникающую на основании синонимии словообразовательных средств. Следовательно, стилистическая окраска слов с суффиксами *-ка* и *-ние* связана не с суффиксом, а со значением слова: само значение отвлеченного действия определяет стилистическую характеристику слов на *-ка* или *-ние*.

То обстоятельство, что слова на *-ка* легче приобретают второе, конкретное, значение не отражается на характере употребления этих слов в их отвлеченном значении. И эта закономерность должна быть отражена в словаре.

Составители Русско-армянского словаря не совсем последовательны в этом отношении. Несмотря на очевидную стилистическую окрашенность таких слов как баллотировка (Хлопушкина в серой вязаной кофточке... сидела за столом перед урной. Баллотировка уже началась. Фадеев. Посл. из удэе, т. I, ч. I, гл. 38), вывозка (в первом знач.), затычка (в первом знач.), затычка (в первом знач.) и мн. другие остаются авторами Словаря без пометы, т. е. признаются словами стилистически нейтральными.

Недостаточно последовательны составители Словаря в тех случаях, когда речь идет об устаревших и поэтических словах.

Известно, что в русской поэтической речи пушкинской и послепушкинской поры литературного языка широко использовались определенные лексические элементы (в большинстве своем старославянского происхождения), которые характеризовались очень четкой и последовательной соотношенностью с стихотворной формой. Если эти лексические элементы и проникали в область прозаической или публицистической речи, то, как правило, функционировали в специфически приподнятых контекстах. Этот лексический пласт и принято называть поэтическим. Поэтическое слово на фоне своего синонима может расцениваться как стилистическое средство. Но, при рассмотрении материала, легко установить, что эти синонимы в определенных условиях могли употребляться один вместо другого, не придавая контексту ощутимой стилистической окраски. Следовательно, внутри стихотворных жанров подобные слова являются традиционной принадлежностью поэтического слога, как определенной жанрово-стилистической категории.

Поэтическая лексика представлена в Словаре очень широко. Но сама помета «поэтическое» ставится не всегда верно и не всегда она бесспорна. Например, слова *безмолвный*, *бестрепетный*, *дерзновенный*, *безвестный*, *безгласный*, *багряный*, *животворный-животворящий* и многие другие, по существу, стилистически однотипны, т. е. все они характерны для поэтической речи русского языка. Доказательством этого может служить следующий факт. Прилагательные *гневный*, *безвестный*, *безбрежный*, *бестрепетный*, *бесстрашный*, *безмолвный*, *безгласный*, в пределах их синонимических отношений с соответствующими словами, у Пушкина встречаются только в стихотворных произведениях. Между тем, в Словаре приведенные (и им подобные) слова помечаются самыми различными пометами: устаревшее, книжное, поэтическое (чаще всего вслед за «Толковым словарем русского языка»). Почему, например, слово *дерзновенный* характеризуется как книжное, а *бестрепетный* — как поэтическое? Для такой дифференциации нет никаких лексических или стилистических причин: оба эти слова подобны по своему употреблению в системе стилей русского литературного языка. И это обстоятельство должно быть соответствующим образом отражено в Словаре.

Стилистически одноплановы также неполногласные формы типа *брег*, *град*, *глас*, *злато-златой*, *драгой* и *под*. Но и слова подобного рода также помечаются в Словаре по-разному, несмотря на их очевидную принадлежность к поэтической речи.

Самым существенным в двуязычных словарях является переводная часть. Этим и оценивается качество такого словаря.

Одновременно с этим, хотелось бы пожелать, чтобы армянские синонимы в Словаре снабжались соответствующими стилистическими пометами, указывающими на место и границы их употребления в системе стилей армянского языка.

Трудно согласиться с теми случаями, когда составители Словаря толкуют русское терминированное слово серией синонимов. Этот прием идет вразрез с тенденцией унификации употребления термина. Между тем, Русско-армянский словарь должен быть надежным справочником именно в отношении нормализации употребления терминированных слов, в отношении верного выделения термина из среды его синонимов. Необходимо, чтобы авторы в дальнейшем обратили на это внимание и учли жизненную необходимость устранения разнобоя в армянской терминологии.

Авторы рецензируемого Словаря, по сравнению с их предшественниками, оказались взыскательнее к привлечению в Словарь диалектных

древнеармянских слов и восточных заимствований, вошедших в словарный состав диалектов. Но, вместе с тем, в Словаре можно найти слова, которые вытеснены на периферию словарного состава армянского языка, на месте слов, нормативных для его литературной речи. Ср. на авось — *լա րախա*; Бяка — *փիս րաշ* || *փիս մարդ*; Выдумать — *մոզոնել*; Вымышлять — *մոզոնել*; Верченый — *տոտոց*.

Авторы Словаря исполнили поощрительную работу, унифицировав написание некоторых иностранных по происхождению слов, вошедших в армянский язык через русский. Составителями словаря решены также некоторые спорные вопросы армянской орфографии. (Написание слов на лю, ля, двойных согласных, слов объект, субъект и т. д.).

В армянской части Словаря впервые зафиксированы несколько тысяч заимствованных слов, перешедших с русского языка и имеющих активное употребление в современном армянском языке.

Для наиболее полного и точного отражения армянской лексики — переводной части Русско-армянского словаря — составители привлекли существующие многочисленные словари армянского языка, русско-армянские, армяно-русские общие и терминологические словари.

Руководствуясь принципом толкования русских слов через соответствующие армянские лексические эквиваленты, составители Словаря сделали большой шаг вперед по сравнению с авторами уже вышедших словарей. Однако этот принцип эквивалентного толкования не использован разумно. В случаях отсутствия армянских равнозначных слов составители предпочитают прием описания. Ср., например: Боевик — 2. (*նոր*); *Հաջորդություն ունեցող կրննկար, էտրադաշին ելույթ և այլն* (стр. 101); Боек — 2. *Շոգեկոտնի դարկող մասը* (стр. 101); Бражник — 2; (*կենդ.*); *Մի տեսակ խոշոր թիթեռ (հաստ իրկած և մարմնով)* (стр. 110). Бормотун — 2. *Մի տեսակ մեջացող աղափի* (стр. 106); Болван — 5. *Հրանթ և այլն ձուլելու կաղապար (կափից կամ մետաղից)* (стр. 102); Богослов — 2. (*Հնգ.*); *Հոգևոր դպրոցի աստիճաքաշնորհյալ դասարանի աշակերտ* (стр. 100).

Придерживаясь принципов марксистского языкознания о чистоте национальных языков, составители Словаря широко использовали те слова армянского языка, которые успешно заменяют заимствования, в частности, в области терминологии. Составители Словаря отказались также от тех искусственных и ложных слов, которые образовывались на разных этапах развития армянского языка, и в современном армянском языке не приобрели «прав гражданства». Но в армянской части словаря не включены немало из употребляемых в периодической печати и в литературе армянских слов, которые образовались в соответствии с русским языком и уже прочно вошли в армянский язык. Напр. *հաշատեսակ* (б. юдо), *գազաղար* (газопроводный), *հոտադերձել* (дезодировать), *նախարանդոր* (докер), *կրկնորինակել* (дубликовать), *կրկնորինակ* (дубляж) и т. д.

Неточностей в толкованиях, в пометах, промахов в словнике в Русско-армянском словаре можно найти не мало.

Несмотря на отдельные недостатки, первый том русско-армянского словаря в целом содействует освоению лексического богатства русского литературного языка.

В. Григорян
А. Сукиасян